

Лян Чэн разозлился настолько, что невольно хмыкнул и едва удерживал себя в руках, случайно сжав пальцы слишком сильно, отчего Цяо Юаньлинь поморщился и попытался вырваться. К ним подбежал Лэй Цзюньмин.

— Доктор Лян? — удивлено воскликнул он. — Вы как здесь?

— Напротив, хотел бы спросить, почему вас здесь нет, — ледяным тоном отозвался Лян Чэн.

— Я остался, чтобы помочь... — Лэй Цзюньмин наконец разглядел состояние Цяо Юаньлиня. — Юаньлинь, ты что, перебрал?

Не успел Цяо Юаньлинь окликнуть его старшим коллегой, как Лян Чэн опередил:

— Вы сами его пригласили, так с чего вдруг продинамили? Он вообще не пьет, зачем было устраивать встречу на улице баров?

У Лэй Цзюньмина подкосились ноги. Сейчас Лян Чэн выглядел поистине угрожающе: в его взгляде на мгновение промелькнула такая лютая ярость, что становилось жутко.

— Я... — попытался оправдаться он.

— Свободны, — отрезал Лян Чэн. — На сегодня ваша встреча окончена.

— Давайте я его провожу, — предложил Лэй Цзюньмин.

Лян Чэн вырвал из рук Цяо Юаньлиня пакет с едой и швырнул его Лэй Цзюньмину, как какой-то мусор, действуя властно и не терпя возражений:

— Забирай свою утку, а его я увожу.

С этими словами Лян Чэн подхватил Цяо Юаньлиня и потащил за собой. Сделав пару шагов, тот почувствовал, как земля уходит из-под ног, и поплыл вниз. Впрочем, едва вернув равновесие, он непонятно откуда набрался сил и упрямо вознамерился идти сам.

Лян Чэну ничего не оставалось, кроме как отпустить его и шагать рядом, подстраховывая. Внутри всё кипело от глухого раздражения:

— Восемь лет прошло, а ума не прибавилось — в шестнадцать и то соображал лучше. Приперся один в бар, напился до беспамятства, да еще и дал какому-то проходимцу подцепить себя, как пьяную креветку!

Цяо Юаньлинь задрал подбородок и, черт бы его драл, огрызнулся:

— Какую еще пьяную креветку?

При воспоминании о том типе Лян Чэна снова накрыла волна тошноты. Он сквозь зубы процедил:

— Такую. Которую подбирают, счищают панцирь, обнажая мякоть, и сожрать готовы с потрохами, от головы до хвоста.

Цяо Юаньлинь выдал короткую икоту и неожиданно расплылся в улыбке:

— Вот ты глупый! Голову у креветок не едят!

Лян Чэн окончательно потерял терпение. Он накрыл это лицо широкой ладонью и с силой потер, но лишь почувствовал, насколько пылает его собственная кожа от чужого жара.

«Мерседес» стоял у обочины. Оставив Цяо Юаньлиня на месте, Лян Чэн вытащил ключи, подошел к машине, открыл дверцу и достал бутылку чистой воды.

Но когда он повернулся, то замер.

То ли от его жесткого прикосновения, то ли от дикого опьянения, но вид у Цяо Юаньлиня был до жалости беспомощный. Он дернул воротник, и от щек до самых ключиц расплылся нездоровый, пугающий румянец.

Взгляд его блуждал, он затих.

— Цяо Юаньлинь? — окликнул его Лян Чэн.

Тот посмотрел смутными, ничего не понимающими глазами и сдавленно пробормотал:

— Брат... мне так жарко.

Лян Чэн мгновенно понял: дело тут не только в алкоголе.

Затолкнув его в салон и зафиксировав ремнем безопасности, он достал из подлокотника маленький фонарик и, приподняв полуприкрытое веко Цяо Юаньлиня, проверил зрачки.

— М-м-м, — недовольно поморщился тот, захлопав ресницами. — Ты чего делаешь?..

Лян Чэн, сдерживая из всех сил остатки терпения, спросил:

— Что ты пил?

Цяо Юаньлинь ненадолго задумался, вспомнил нечто красное и промямлил:

— Вино... И еще ел кукурузные чипсы. С солью и перцем.

Лян Чэн завел двигатель. Рев мотора эхом разнесся по шумной улице — даже прохожие могли догадаться, что водитель вне себя от злости. Руля одной рукой, второй он сжал запястье Цяо Юаньлиня, отсчитывая пульс за минуту.

К счастью, тот оставался в пределах нормы. И все же Цяо Юаньлинь весь горел, извивался и пытался прижаться к холодному боковому стеклу. В этот момент из кармана его брюк выскользнул завибрировавший телефон.

На экране светилось «Цяо Вэньюань».

Лян Чэн поднял трубку:

— Дядя Цяо, это я.

В прошлый раз, вернувшись пьяным, Цяо Юаньлинь наговорил лишнего и вывел Цяо Вэньюаня из себя. Если повторится то же самое, они с отцом окончательно разругаются. Лян Чэн решил солгать: сказал, что они случайно пересеклись на улице и, поскольку это неподалеку от его дома, он привел Цяо Юаньлиня к себе перевести дух.

— Надо же, среди ночи тебя беспокоит, — произнес Цяо Вэньюань. — А почему он сам трубку не берет?

Лян Чэн косо глянул на пьяную тушку на соседнем сиденье:

— В туалет отошел. Кажется, съел за ужином что-то не то, живот прихватило. Я подберу ему лекарство, пусть перекантуется у меня до утра.

С грехом пополам удалось его успокоить. Лян Чэн швырнул телефон на центральную консоль. От громкого щелчка Цяо Юаньлинь вздрогнул, открыл глаза и, прильнув к окну, обернулся к нему.

подавив закипающий гнев, Лян Чэн набрал со своего телефона коллегу из больницы. Объясняя ситуацию, он едва заставлял себя разжимать губы. Завершив консультацию, он по привычке хотел было снова швырнуть мобильный, но на полпути осекся и аккуратно положил его на консоль.

Всю дорогу Цяо Юаньлинь то затихал, то снова начинал буянить. Краснота с лица так и не сошла, он непрерывно жаловался на жар — хотя дело было не столько в температуре, сколько в мучительном, давящем возбуждении, требовавшем немедленного выхода.

Квартира Лян Чэна находилась в элитном жилом комплексе на пятьдесят втором этаже. К счастью, из подземного паркинга можно было подняться прямо на лифте, иначе в холле охранник наверняка решил бы, что он притащил с улицы какого-то падшего юношу.

Квартира оказалась двухкомнатной, с панорамными окнами во всю стену, откуда открывался потрясающий вид на сияющий огнями Пинхай. Стоило двери открыться, как Цяо Юаньлинь, спотыкаясь, ввалился в гостиную и застыл прямо посередине.

Вокруг всё было чужим, безупречно чистым и прибранным. Он растерянно огляделся вокруг и заметил в углу отдельную стойку, на которой стоял горшок с какими-то белыми цветами.

Виляющей походкой Цяо Юаньлинь поплелся туда, но путь ему преградил диван. Не долго думая, он просто рухнул на него. Натуральная кожа обжигала приятным прохладным холодом, так что он сбросил обувь и вытянулся во весь рост, пытаясь остыть.

Лян Чэн принес стакан теплой воды, напоил его с рук несколькими глотками, после чего достал тонометр для проверки давления и накинул стетоскоп, чтобы послушать сердцебиение.

Давление слегка понижено, в остальном всё относительно стабильно. Судя по всему, Цяо Юаньлинь случайно принял что-то вроде виагры. Из-за молодого возраста тот организм реагировал бурно, а тут еще наложились низкая толерантность к алкоголю и ужасное поведение во хмелю — в итоге обычное опьянение сработало не хуже клофелина.

Кожаный диван под ним быстро нагрелся, что страшно его разозлило. Заболтав руками и ногами, Цяо Юаньлинь капризно закричал:

— Включи кондиционер! Ты заморить меня жарой хочешь?!

— Он работает с тех пор, как мы вошли, — сдерживаясь, ответил Лян Чэн и сбросил температуру еще на градус.

Цяо Юаньлинь продолжал буянить:

— Пойди принеси мне мороженое!

— Ты на кого тут голос повышаешь? — спросил Лян Чэн.

Хоть Цяо Юаньлинь и был пьян, интонации он все еще различал. Пошатываясь, он поднялся и повалился прямо на Лян Чэна, всем телом лinya к нему, словно ластясь:

— Брат... я хочу мороженое. Только не сливочное, а фруктовый лед, а-а.

Лян Чэн устал больше, чем за те два года, что отбывал наказание. Без особой надежды строго наказом-наказав ему сидеть тихо, он отправился вниз. В самом комплексе имелся круглосуточный магазинчик; там он выбрал две пачки фруктового льда, а заодно, опасаясь, что среди ночи у Цяо Юаньлиня разболеется желудок, прихватил молоко и хлеб.

Когда он вернулся, в гостиной уже никого не было.

Лян Чэн подошел к спальне. На полу валялись сброшенные джинсы Цяо Юаньлиня. Свет внутри был выключен, лишь лунное сияние вперемешку с неоновыми отблесками с улицы проникало в комнату. Цяо Юаньлинь с абсолютно голыми ногами ворочался на кровати, сжимая в объятиях одеяло и беспокойно теряясь о него.

В этом не было пошлости — лишь неуклюжая, по-детски незрелая беспомощность.

Подойдя ближе к кровати, Лян Чэн щелкнул выключателем бра. В мягком тускло-желтом свете Цяо Юаньлинь мгновенно сжался в комок. Покрасневший с головы до ног, он и впрямь напоминал сваренную креветку.

Он хлопал глазами и тревожно поджимал колени.

Не понимая толком своих намерений, действуя быстрее, чем успел сообразить, Лян Чэн протянул руку и поддел задравшийся край футболки, намереваясь натянуть ее пониже и прикрыть изгиб обнаженного живота.

Цяо Юаньлинь в испуге вскрикнул:

— Ты что делаешь?!

— Не трогай меня... — Из-за тумана в голове он, похоже, решил, что перед ним какой-то пристающий тип из бара, и принялся угрожать: — Человек, которого я жду, сейчас придет! Держись от меня подальше!

Пальцы Лян Чэна замерли.

— И кого же ты ждешь? — тихо спросил он.

— Старшего коллегу... Моего старшего коллегу, — пробормотал Цяо Юаньлинь.

Нервы Лян Чэна вмиг ослабли, словно лопнувшая струна. На него обрушилась оглушительная, давящая пустота. На мгновение застыв, он медленно убрал руку и остался стоять у кровати, не шевелясь.

Спустя пару мгновений Цяо Юаньлинь, окончательно потеряв контроль от мучительного дискомфорта, перекатился на другой край, сполз с кровати и юркнул в ванную. Загремела вода, и тут же раздался звон перевернутых баночек и флаконов.

Очнувшись, Лян Чэн ринулся следом и толкнул полуоткрытую дверь.

Душ был включен, и ледяная вода лилась прямо на Цяо Юаньлиня. Тот вымок до нитки и теперь стоял, упершись руками в мраморную раковину, выгнув спину и прижимаясь нившим, разбухшим местом к холодному краю. Мокрая футболка кремового цвета липла к лопаткам.

Лян Чэн развернул его к себе и, пренебрегая всеми приличиями, оглядел с ног до головы — вплоть до скрытого под белоснежными боксерами интимного места.

Ноги Цяо Юаньлиня подкосились, но Лян Чэн раздвинул его колени своим бедром. Едва ощутимого трения оказалось недостаточно, чтобы принести облегчение, и он вцеплялся в руку Лян Чэна:

— ...Мне плохо.

Лян Чэн не шелохнулся:

— Кто я?

— Брат... — пролепетал Цяо Юаньлинь.

— И кто должен тебе помочь? — Лян Чэн сжал его талию.

Под этим пристальным, обращенным на него в упор взглядом Цяо Юаньлинь словно немного протрезвел. Он поджал губы и внезапно проявляя упрямство, отказался отвечать.

Лян Чэн жестоко разжал пальцы и отступил назад.

Цяо Юаньлинь сгорбился, пытаясь скрыть свое неловкое положение, и полоснул по Лян Чэну полным обиды и ненависти взглядом. А затем, словно бросая вызов, сам опустил руку вниз.

У Лян Чэна бешено заколотилась жилка на виске. Он сбил руку Цяо Юаньлиня, сорвал банное полотенце, с головой укутал упряма и подхватил его на руки.

— Дрянь, — попытался было ругнуться Цяо Юаньлинь, но тут же стих и умоляюще прошептал:

— Брат, помоги мне...

<http://bllate.org/book/18284/1753076>